

ИОАНН VI КАНТАКУЗИН КАК ПОЛЕМИСТ

По мнению Г. Вайса, Иоанн Кантакузин стал сторонником св. Григория Паламы после июньского Собора 1341 г., но до сентября того же года (Weiss 1969, S. 112). С тех пор и до конца своих дней Кантакузин был убежденным паламитом, что нашло отражение и в его богословско-философских трудах (которые носят преимущественно полемический характер). Изучение богословского наследия Иоанна VI заметно отстает от анализа его политической деятельности и представляет собой одну из актуальных задач поздневизантийской патрологии и истории философской мысли. Классический труд Г. Подскальски убедил современных ученых в том, что Кантакузин являлся эклектиком, а не самостоятельным мыслителем (см. Podskalsky 1977, S. 168). Этот вердикт не лишен справедливости, потому что основной корпус богословских текстов Кантакузина написан в защиту учения св. Григория Паламы с целью популяризации этого учения. И все же, как мы постараемся показать, заслуживают иной оценки и «Два опровержения Прохора Кидониса», и особенно тот труд, который, по-видимому, сам Кантакузин считал главным в своей деятельности как богослова – две серии антиисламских трактатов (PG. 154. 371A – 692C).

Отрекшись от престола в 1354 г. и приняв монашеский постриг с именем Иоасафа (в честь героя «Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе»), Кантакузин в 60-70-е гг. XIV в. при активной поддержке высшего духовенства Константинопольского Патриархата (св. Филофей Коккин, св. Нил Кавасила, Феофан III Никейский) вел письменную (а порой, как в случае епископа Павла, и устную) полемику с:

- мусульманами (две серии полемических слов, причем благожелательный тон первой резко контрастирует с критической направленностью второй);
- иудеями («Диалог с иудеем Ксеном»);
- византийскими неосхоластами-томистами в лице Прохора Кидониса (два «Опровержения», которые, по словам Димитрия Кидониса, были посланы на Кипр, Крит, в Палестину, Египет, Трапезунд и др. (Mercati 1931. P. 339.15 – 340.18);
- титулярным латинским патриархом Константинополя Павлом;
- выдающимся византийским интеллектуалом – латинофилом и неосхоластом – Димитрием Кидонисом.

По критерию полноты и обоюдности коммуникации перечисленные пять коммуникативных ситуаций можно подразделить на две группы: в первых двух случаях мы не знаем ответа непосредственных оппонентов, тогда как в трех последних случаях такие ответы сохранились и известны. В случае Димитрия Кидониса, как нам представляется, элементы такого ответа можно извлечь из богословско-полемических произведений мыслителя.

В полемике с Прохором Кидонисом Кантакузин отстаивал положения Томосов Константинопольских соборов 1351 и 1368 гг. (Mercati 1931. P. 10), своей критикой употребления силлогизмов в богословии продолжая полемику, начатую православными мыслителями (св. Нил Кавасила) против Фомы Аквинского и Димитрия Кидониса.

Важность фигуры Павла заключается уже в том, что именно по его просьбе (переданной Кантакузином) Феофан Никейский составил «Пять слов о Свете Фаворском» (Jugie 1935. P. VIII – XI), а сам Кантакузин, помимо «Беседы с легатом Павлом», написал Павлу семь писем, объединенных издателями под заголовком «Диспут с латинским патриархом Павлом в семи письмах» (Voordeckers – Tinnefeld 1987. P. 175 – 239). Павел утверждал, что Фаворский свет – тварный символ нетварного света Божества (PG. 154. 837C). Возможно, устав от споров с Павлом, Кантакузин идет на частичный компромисс с его взглядами: так, он выступает с утверждением, что свет Фаворский ни святые не называли энергией Божией, ни мы не желаем этого делать (Voordeckers – Tinnefeld 1987. P. 215.22-33; ср., однако: S. Greg. Pal. Tr. III.1.24; III.1.29).

Полемика с Димитрием Кидонисом касалась основ православной триадологии и христологии. Так, критикуя триаду понятий *сущность – сила – энергия* (Mercati 1931. P. 300.113-143) или приписывая паламитам учение о смешении Отцовства и Сыновства в Боге (Candal 1962. P. 80.3-11), Димитрий *опрокидывает традиционную систему координат православной триадологии*, тогда как Кантакузин, имея в виду (что весьма вероятно) не только Прохора, но и его брата, разъясняет традиционный смысл этих понятий в их взаимной соотнесенности (например: Voordeckers – Tinnefeld 1987. P. 165.231-243).

Отрекшись от власти политической, Кантакузин не утратил живейшего интереса к духовной ситуации времени. Видя себя (и не без оснований) одним из основных защитников паламитского учения и – шире – духовной независимости и силы Церкви, не желая допустить повторения тирании Михаила VIII Палеолога (Meyendorff 1974. XI. P. 173 – 174), Кантакузин проявил себя талантливым и весьма разносторонним полемистом.